

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

ЖЕНЫ И ДОЧЕРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г22

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Т. Осиной*

Серийное оформление *А. Фереа, Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Гаскелл, Элизабет.

Г22 Жены и дочери: [роман] / Элизабет Гаскелл; [перевод с английского Т. Осиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 832 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-133397-3

Дочь провинциального врача Молли Гибсон — девушка весьма неглупая и наблюдательная (качества, безусловно, полезные в маленьком викторианском городке, где буквально у каждого есть свои скелеты в шкафу). Однако природная искренность и неизменная готовность помочь окружающим снова и снова ставят ее в сложное положение, особенно с тех пор, как началась ее дружба с новой сводной сестрой — красавицей Синтией, хранящей какую-то тайну, добродушным повесой из богатой семьи Осборном Хемли, которому тоже есть что скрывать, и его младшим братом — молодым и подающим надежды ученым Роджером, который покорила сердце Молли, однако сам влюблен в Синтию...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-133397-3

© Перевод. Т. Осина, 2020
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2022

Глава 1

УТРО ТОРЖЕСТВЕННОГО ДНЯ

Начнем с детской присказки. В стране было графство; в графстве был город; в городе был дом; в доме была комната; в комнате была кровать, а в той кровати лежала девочка. Она уже проснулась и очень хотела встать, но боялась невидимой силы в соседней комнате — некой Бетти, чей сон запрещалось тревожить вплоть до шести часов, когда она просыпалась сама — «как заведенная» — и весь день не давала покоя никому в доме. Раннее июньское утро радовало солнечным светом и теплом.

На комодe напротив маленькой белой кровати, где лежала Молли, возвышалась примитивная шляпная вешалка, а на ней висела шляпа, заботливо прикрытая от любой случайной пылинки большим хлопчатобумажным носовым платком. Кусок добротной ткани был настолько обширным и тяжелым, что если бы изделие отличалось особой нежностью и хрупкостью, то непременно бы «расплюшилось» (еще один пример из лексикона Бетти). Однако шляпа была изготовлена из прочной соломы, а единственным ее украшением служила обвязанная вокруг тульи и спускавшаяся в виде тесемок простая белая лента. И все же внутри прятались маленькие аккуратные рюши, каждую складочку на которых Молли знала до единого стежка. Разве не она собственными руками, с не-

4 вероятным старанием сделала их только вчера вечером? Разве не венчал рюши маленький голубой бантик — первое в жизни Молли поистине изысканное украшение?

И вот, наконец, часы на церкви плавно, мелодично пробили шесть раз, призывая жителей города встать и начать новый день, как делали уже сотни лет. Молли мгновенно вскочила, маленькими босыми ножками пробежала по комнате и приподняла платок, чтобы снова увидеть шляпу: залог радостного, праздничного дня, — а потом подошла к окну, с усилием открыла раму и выпустила свежий утренний воздух. Внизу, в саду, роса на цветах уже высохла, однако дальше, в лугах, еще держалась на высокой траве. С одной стороны располагался небольшой городок Холлингфорд, на одну из улиц которого открывалась парадная дверь дома мистера Гибсона; там из множества труб уже начали подниматься хрупкие колонны и изящные завитки дыма: хозяйки встали и начали готовить завтрак для главы и кормильца семейства.

Молли Гибсон видела все это, однако думала о другом: «Сегодня будет прекрасный, прекрасный день! Как же я боялась, что он никогда не настанет или выдастся мрачным и дождливым!» Сорок пять лет назад* детские радости в сельской местности были очень простыми, и свои долгие двенадцать лет Молли прожила без единого происшествия, способного сравниться с сегодняшним торжеством. Бедный ребенок! Потеря матери, конечно, стала тяжким ударом и по-влияла на ход жизни, однако едва ли оказалась событием в том смысле, о котором шла речь. К тому

* Э. Гаскелл помещает действие романа в прошлое. Основные события развиваются в конце 1820 — начале 1830-х гг. — *Примеч. пер.*

же тогда по малолетству девочка еще ничего не понимала, а сегодня впервые предстояло принять участие в ежегодном фестивале Холлингфорда.

Разбросанный провинциальный городок одной своей стороной уходил в поля возле ворот обширного поместья лорда и леди Камнор — «графа» и «графини», как их называли местные жители. Горожане сохранили немалую долю феодальных чувств, то и дело проявлявшихся в мелочах, которые сейчас кажутся забавными, но в свое время обладали нешуточной важностью. Реформа избирательной системы еще не состоялась, однако среди нескольких живших в городе свободных и просвещенных землевладельцев то и дело возникали разговоры либерального толка. Больше того: в графстве обитала принадлежавшая партии вигов* знатная семья, время от времени на выборах составлявшая конкуренцию Камнорам, которые выступали с позиций тори**. Можно предположить, что упомянутые выше либерально настроенные жители Холлингфорда могли бы по крайней мере признать возможность голосования за мистера Хейли-Харрисона, который выражал их взгляды. Однако ничего подобного: граф владел не только поместьем, но и значительной частью земли, на которой располагался Холлингфорд, а потому жители городка кормили, одевали, лечили и до определенной степени уважали и его самого, и все его семейство. Деды их отцов неизменно голосовали за старшего сына дома Камноров. По давней традиции каждый обладавший

* Политическая партия в Великобритании, возникшая в начале 80-х гг. XVIII в. как группировка обуржуазившейся дворянской аристократии и крупной торговой и финансовой буржуазии. — *Здесь и далее примеч. ред.*

** Политическая партия, выражавшая интересы земельной аристократии и высшего духовенства англиканской церкви.

6 избирательным правом мужчина просто слушался своего лорда и не задумывался о таких химерах, как политические взгляды.

В те дни, когда железные дороги еще не получили распространения, подобный пример влияния крупных землевладельцев на простых соседей вовсе не представлял собой явления из ряда вон выходящего и приносил ощутимую пользу тому месту, где, подобно Камнорам, господствующая семья заслуживала глубокого почтения. Граф и графиня ожидали безоговорочного повиновения, а простодушное поклонение местных жителей принимали как должное. А если бы кто-то из обитателей Холлингфорда вдруг отважился противопоставить свою волю или мнение воле или мнению графа, то застыл бы в изумлении и с ужасом вспомнил французских санкюлотов, наводивших ужас в годы его молодости. Следует признать, что в ответ на почитание семья многое делала для города, неизменно относилась к вассалам снисходительно, а нередко даже проявляла доброту и заботу. Лорд Камнор лично вникал в дела города: случалось, отстранял управляющего и брал бразды правления в свои руки, чем крайне его раздражал. Управляющий был слишком богат и независим, чтобы держаться за место, где его решения могли в любую минуту лопнуть из-за того, что милорду внезапно вздумалось «заняться ерундой» (так неуважительно высказывался он о господине в домашнем кругу). На самом же деле граф всего лишь задавал вопросы своим подданным и любил управлять, основываясь на собственных наблюдениях и выводах. И за эту привычку подданные любили милорда еще глубже. Граф определенно не брезговал сплетнями, причем умудрялся эффективно портить отношения между управляющим и арендаторами. Графиня успешно восполняла эту неболь-

шую слабость супруга своим высокомерным достоинством, проявляя снисходительность всего раз в год. Вместе с молодыми леди — своими дочерьми — она организовала школу, но не в современном духе, когда дети крестьян и рабочих получают образование более интеллектуальное, чем выпадает на долю знатных сверстников, а ту, которую следует назвать производственной. Там девочек учили шить, вести хозяйство, вкусно готовить, а главное, аккуратно одеваться в учрежденную благотельницами единую форму: белый чепчик, белый палантин, клетчатый передник и синее платье. К костюму прилагались непременные реверансы и вежливые обращения к госпоже.

Графиня, поскольку значительную часть года проводила вдали от поместья, стремилась заручиться симпатией жительниц города, чтобы те посещали школу в долгие месяцы, которые сама она и ее дочери проводили в Лондоне. Многие праздные дамы охотно отозвались на призыв госпожи и с готовностью исполнили просьбу, сопроводив свои действия восхищенными восклицаниями и умильными вздохами: «Как это мило! Графиня такая заботливая!» И прочее.

Всегда считалось, что ни один приезжий не видел настоящего Холлингфорда до тех пор, пока не посетил школу и не выразил должного восторга при виде аккуратных маленьких учениц и их безукоризненного рукоделия. В ответ каждое лето назначался особый торжественный день, когда леди Камнор и ее дочери с великодушным и горделивым гостеприимством принимали попечительниц школы в Тауэрс-парке — величественном фамильном особняке, возвышавшемся в аристократическом уединении в центре обширного поместья, одним из входов обращенного к городу. Ежегодное празднество проходило в строго определенном порядке: в десять часов утра один из граф-

8 ских экипажей направлялся в Холлингфорд и методично объезжал дома удостоянных высококой чести дам. Забрав всех по очереди, возвращался через распахнутые ворота по тенистой подъездной аллее и доставлял нарядную публику к роскошной лестнице, что вела к массивным дверям особняка. Затем совершался следующий рейс, и в Тауэрс-парк прибывала новая партия очаровательных особ. Так продолжалось до тех пор, пока все приглашенные не собирались или в доме, или в великолепном саду. После должной демонстрации роскоши с одной стороны и безграничного восхищения с другой гостям подавалось угощение, а за ним следовала новая волна восторженного любования сокровищами замка. Около четырех часов подавали кофе, и вскоре прибывал экипаж, чтобы развезти первую партию достойных особ по домам. Дамы возвращались в счастливом сознании восхитительно проведенного дня, слегка оттененном усталостью от долгих часов безупречных манер и высокопарных разговоров. Леди Камнор и ее дочери, в свою очередь, не обходились без усилий самовосхваления и усталости, которая всегда сопровождает сознательные попытки держаться в соответствии с требованиями того или иного общества.

Впервые в жизни Молли Гибсон получила приглашение в Тауэрс-парк. Для посещения школы она была слишком юной, так что причина внимания заключалась в ином. Случилось так, что однажды, когда лорд Камнор совершал очередную «исследовательскую экспедицию», из фермерского дома, который он собирался навестить, вышел мистер Гибсон — местный доктор. Желая задать какой-то небольшой вопрос (лорд Камнор редко проходил мимо знакомых, ничего не спросив, хотя далеко не всегда выслушивал ответ; таким был его стиль беседы), он проводил мистера

Гибсона к одной из надворных построек, где к кольцу в стене была привязана лошадь доктор. Там же в ожидании отца спокойно и терпеливо сидела на своем маленьком растрепанном пони Молли. При виде приближающегося графа серьезные серые глаза широко раскрылись: в детском воображении этот седовласый, краснолицый, довольно неуклюжий человек представлял собой нечто среднее между архангелом и королем.

— Ваша дочь, Гибсон, а? Милая девочка. Сколько лет? А пони не мешало бы почистить и причесать. — Он потрепал животное по загривку. — Как тебя зовут, дорогая? Как я уже сказал, этот арендатор сильно задолжал с ежегодной платой, но если действительно болен, постараюсь договориться с Шипшенксом, хотя тот упрям. На что жалуется? В четверг приедешь на наше школьное собрание, милая... как тебя зовут? Не забудьте ее прислать или привезти, Гибсон, и устройте нагоняй своему конюху: уверен, что в этом году пони еще не стригли. Не забудь про четверг, милая... как тебя зовут? Договорились, не так ли?

Здесь граф увидел в противоположном конце двора старшего сына фермера и удалился своей семенящей походкой.

Доктор сел на лошадь, и они с Молли тронулись в путь. Некоторое время ехали молча, а потом с тревогой в голосе девочка спросила:

— Можно мне поехать, папа?

— Куда, дорогая? — уточнил мистер Гибсон, очнувшись от профессиональных размышлений.

— В Тауэрс-парк, в четверг. Ты же слышал. Этот джентльмен (она постеснялась произнести титул) меня пригласил.

— А ты хочешь поехать? Этот праздник всегда казался мне слишком долгим и утомитель-

10 ным. Начинается рано, а потом жара и все такое.

— Ах, папа! — укоризненно воскликнула Молли.

— Значит, тебе хочется принять участие?

— Да, очень хочется. Если разрешишь. Он же пригласил, ты сам слышал. Даже дважды или трижды.

— Ну что же, посмотрим... хорошо! Думаю, это можно устроить, если очень хочешь.

Они снова замолчали, а спустя некоторое время Молли проговорила:

— Пожалуйста, папа! Я очень хочу поехать, но... но мне все равно.

— Довольно странные слова. Полагаю, впрочем, что тебе все равно в том случае, если организовать поездку будет трудно. Но я смогу это сделать, так что считай вопрос решенным. Не забудь только, что необходимо белое платье. Скажи Бетти, что собираешься в гости в Тауэрс-парк, и она обо всем позаботится.

Чтобы уверенно отпустить дочку на праздник, мистеру Гибсону предстояло уладить два-три небольших дела, каждое из которых требовало некоторых усилий. Однако ему очень хотелось порадовать дорогую девочку, а потому на следующий день он отправился в Тауэрс-парк под предлогом посещения больной горничной, а на самом деле чтобы встретиться с миледи и добиться от нее подтверждения приглашения лорда Камнора. Время визита он выбрал с природной дипломатичностью, к которой часто прибегал в общении с благородным семейством: во двор въехал около полудня — незадолго до ленча и в то же время после того, как улеглось ежедневное волнение вскрытия почтового мешка и обсуждения его содержимого. Оставив коня на попечение грума, доктор воспользовался черным ходом: с этой стороны особняк носил название «дом», в то время как фасад гордо именовался Тауэрс-парком.

Он осмотрел пациентку, дал необходимые указания экономке и с полевым цветком в руке отправился на поиски одной из молодых леди в сад, где, как надеялся и рассчитывал, встретил и саму леди Камнор. Обсуждая с дочерью содержание только что полученного письма, графиня одновременно распоряжалась посадкой новых диковинных растений.

— Заехал, чтобы осмотреть Нэнни, а заодно привез леди Агнес тот самый болотный цветок, о котором рассказывал.

— Благодарю вас, мистер Гибсон! Посмотри, мама! Это же редкая *Drosera rotundifolia**, о которой я так давно мечтаю.

— Ах да! Согласна, очень миленький цветочек, вот только я совсем не ботаник. Надеюсь, Нэнни пошла на поправку? Мы не можем допустить, чтобы на следующей неделе кто-то из слуг болел, ведь в доме будет полно гостей! А тут еще напрашиваются Дэнби. Приезжаем после Троицына дня, чтобы насладиться тишиной и покоем, и половину прислуги оставляем в городе. Но как только люди узнают, что мы здесь, сразу начинают писать, как мечтают о глотке свежего воздуха и как чудесно у нас в поместье весной. А виноват прежде всего сам лорд Камнор: сразу начинает путешествовать по округе и приглашать соседей провести в Тауэрс-парке несколько дней.

— Ничего, мама, потерпи немного. В пятницу, восемнадцатого числа, вернемся в город, — попыталась утешить леди Агнес.

— Ах да, конечно! Сразу после визита школьных попечительниц. Но до этого счастливого дня еще целая неделя.

— Кстати, — вставил мистер Гибсон, воспользовавшись удобной возможностью, — вчера встретил

* Росянка (лат.).

12 милорда на ферме «Три дерева», и он любезно пригласил мою дочку на праздник в четверг. Уверен, что девчушка будет счастлива.

Он умолк в ожидании реакции леди Камнор.

— Ах да, конечно! Если милорд пригласил, полагаю, юная леди должна приехать, но лучше бы он не проявлял такого безудержного гостеприимства! И дело не в вашей дочке. Только представьте: на днях он встретил младшую мисс Браунинг, о существовании которой я даже не слышала.

— Она регулярно посещает школу, мама, — пояснила леди Агнес.

— Вполне возможно. Я же не говорила, что это не так. Знала, что есть попечительница по фамилии Браунинг, однако не подозревала, что их две. Разумеется, как только лорд Камнор услышал, что существует вторая особа, сразу пригласил и ее тоже. Поэтому, чтобы привезти всех, экипажу придется четырежды ездить туда и обратно. Так что ваша дочь, мистер Гибсон, никому не помешает, и ради вас я буду рада ее принять. Может быть, поместится на сиденье между двумя мисс Браунинг? Думаю, вы это устроите. Главное, чтобы на следующей неделе Нэнни окончательно выздоровела и смогла вернуться к работе.

Мистер Гибсон направился к выходу, однако леди Камнор его окликнула:

— О, вспомнила: к нам приехала Клэр. Вы ведь ее помните, не так ли? Когда-то давным-давно она была вашей пациенткой.

— Клэр... — озадаченно повторил мистер Гибсон.

— Забыли? Много лет назад мисс Клэр служила у нас гувернанткой, — подсказала леди Агнес. — Примерно лет двенадцать-четырнадцать назад, еще до замужества леди Коксхейвен.

— Ах да! — вспомнил доктор. — Та самая мисс Клэр, которая заболела скарлатиной. Очень хорошенькая деликатная девушка. Однако я думал, что она замужем! 13

— Да! — воскликнула леди Камнор. — Глупышка не понимала своего счастья, а ведь все мы так хорошо к ней относились. Уехала, вышла замуж за бедного викария и стала глупой миссис Киркпатрик, но мы все равно продолжаем называть ее Клэр. И вот теперь муж умер. Она осталась вдовой и живет здесь, у нас, а мы ломаем головы, пытаюсь придумать, как устроить ее жизнь, не разлучая с ребенком. Если желаете возобновить знакомство, то она где-то неподалеку, в саду.

— Благодарю, миледи. Боюсь, сегодня нет времени. Еще предстоит немало визитов. Я и так задержался у вас слишком долго.

Несмотря на занятость, вечером доктор заехал к сестрам Браунинг и договорился, что Молли отправится в Тауэрс-парк вместе с ними. Высокие статные особы уже переступили порог первой молодости и встретили вдовца чрезвычайно любезно.

— Право, мистер Гибсон, мы будем счастливы, если Молли поедет с нами. Даже не стоило спрашивать! — воскликнула старшая мисс Браунинг, Кларинда.

— Не сплю по ночам, постоянно думаю о празднике, — добавила мисс Фиби. — Видите ли, никогда прежде не была во дворце, хотя сестра ездит туда регулярно. Мое имя уже три года подряд числится в списке попечительниц школы, однако графиня ни разу не упомянула меня в своей пригласительной записке. Не могла же я сама заявить о себе и явиться в такое великолепное место без приглашения, правда?

— В прошлом году я сказала Фиби, — вступила в разговор сестра, — что, несомненно, графиня всего лишь допустила непреднамеренную оплошность, если

14 можно так сказать. Не увидев Фиби среди гостей, она бы глубоко расстроилась, но Фиби настолько деликатна, мистер Гибсон, что не захотела поехать и осталась дома. Уверяю вас, что ее отсутствие испортило мне все удовольствие: то и дело вспоминалось печальное лицо в окне, когда я уезжала. Поверьте, в глазах стояли слезы.

— Да, сестра, оставшись одна, я долго плакала, — подтвердила мисс Фиби. — Но все равно думаю, что правильно сделала, не поехав туда, куда меня не пригласили. Не так ли, мистер Гибсон?

— Несомненно, — подтвердил доктор. — Тем более что в этом году непременно поедете. А тогда шел дождь.

— Да, помню! Чтобы собраться с духом, начала наводить порядок в своем комодe и так сосредоточилась, что даже испугалась, услышав, как дождь стучит по стеклам. «Боже мой! — воскликнула я мысленно. — Во что же превратятся белые атласные туфельки сестры, если после такого дождя придется ходить по мокрой траве?» Понимаете, я много думала о ее новых туфлях, а в этом году она купила мне в подарок точно такие же: белые и атласные.

— Молли, конечно, знает, что одеться надо во все самое лучшее, — словно между прочим, заметила старшая мисс Браунинг. — Если нужно, можем поделиться бусами или искусственными цветами.

— Молли будет в белом платье, — поспешно вставил мистер Гибсон, не испытывая восхищения вкусом сестер Браунинг и не желая наряжать собственное дитя по их указанию: вкус старой служанки Бетти вполне устраивал его своей простотой.

Старшая мисс Браунинг встала и с едва заметным раздражением в голосе проговорила:

— О, очень хорошо! Уверена, что это будет правильно.

— Несомненно, Молли в любом наряде будет выглядеть очень мило.

Глава 2

НОВЕНЬКАЯ В СВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В долгожданный четверг, ровно в десять утра, графский экипаж отправился за первой группой гостей. Молли была готова задолго до его первого появления, хотя официальное уведомление гласило, что обе мисс Браунинг, а вместе с ними и она, поедут последним, четвертым рейсом. Накануне ее тщательно отмыли, и теперь лицо ее сияло чистотой; оборки на платье и ленты соперничали белизной со снегом. Хрупкую прелесть защищала доставшаяся от матери украшенная пышными кружевами черная накидка, которая на ребенке смотрелась старомодно и странно. Впервые в жизни Молли надела лайковые перчатки: до этого носила только хлопчатобумажные. Для маленьких, с ямочками, пальчиков перчатки оказались слишком велики, однако Бетти сказала, что это очень хорошо: хватит на много лет. От долгого взволнованного ожидания девочка то и дело вздрагивала, а однажды едва не упала в обморок. Бетти мудро заметила, что горшок, с которого не спускают глаз, никогда не закипит, однако Молли не отходила от окна, ожидая появления экипажа. И вот наконец спустя два часа из-за угла показалась громоздкая карета.

Ей пришлось сидеть, пригнувшись к коленям, чтобы не помять новые платья обеих мисс Браунинг, но в то же время не доставить неудобства занимавшей переднее сиденье толстой миссис Гуденаф и ее племяннице. В итоге она почти и не сидела. Кроме того, Молли пришлось ехать в середине экипажа, на